

го «образования» зависят от того, как человек, определенным образом осозная себя на соответствующем этапе развития, воплощает подобное осознание в процессе освоения окружающего мира⁵⁶. Следовательно, изменение идеала научной рациональности элиминирует предпосылки классической модели противопоставления «философии» и «науки».

Таким образом, современный этап развития познавательного процесса не просто требует формирования моделей (механизмов) методологического взаимодействия основных уровней когнитивной сферы, но создает условия для решения подобной задачи. В данном случае происходит крайне плодотворное взаимопроникновение «возможности» и «востребованности» изучения соответствующих вопросов, что формирует эпистемологическое пространство развития методологической проблематики на различных уровнях осуществления познавательного процесса⁵⁷.

М. А. Маяцкий

ОПСОДИЦЕЯ

Опсодицея – от греч. *opsis* – зрение и *dik/dikaia* – справедливость, правосудие, суд. Буквально – «оправдание зрения», а также «суд, процесс над зрением» – по аналогии с теодицеей, термин, в литературе мне не встречавшийся, поэтому, вероятно, мой. Обозначает мотив, идеологию и практику обвинения и/или оправдания зрительной способности, которой вменяются агрессия, инструментализм, сексизм, субъективизм, репрезентативизм и т. д. Двумя рамочными событиями истории опсодицеи выступают, с одной стороны, платоновская скопия, с другой – опсокластический переворот 20-х гг. XX в. Предысторию опсодицеи образует встречающаяся у досократиков критика зрения за его иллюзорный или доксихеский характер. Будучи самым точным и/или необходимым чувством (см. «со-

⁵⁶ Лекторский В. А. Указ. соч. С. 47.

⁵⁷ Ср.: Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 4.

стязание [органов] чувств» уже у Гераклита и в развернутой форме у Аристотеля), зрение делает иллюзию труднообнаружимой, а значит тем коварнее вводит в заблуждение.

Платоновская трактовка зрения осциллирует между отвержением его как познавательного средства и признанием за ним субверсивной роли побудителя к восхождению к «видению невидимого». Отсюда двусмысленность его систематического риторического, преимущественно метафорического, обращения к зрению: дружески-соседский взаимно-надзирательный режим полиса; разнообразная демиургия по модели невидимого «образца», на который все же демиург неустанно «смотрит»; идеи-эйдосы (амбивалентную суть которых прекрасно сохранило русское слово «виды»); шутейная апология зрения в «Тимее»; эротическая гидравлика истечений из глаз и в глаза в «Федре»; вся эйдетическая составляющая «гносеологии» «Менона» и «Теэтета»; три притчи «Политеий»; наконец, сквозной мотив «ока души».

Риторика платоновской общей экономии зрительного (которую удобно обозначить как скопию, в отличие от оптики, т. е. скопии частной, научной, физикалистской) позволила впервые разделить (и тем самым, собственно, создать, сконструировать) два зрения – телесное и духовное, со всей их диалектикой «собственного» (прямого) и «метафорического» (переносного). Их взаимодействие отмечено антропологическим фактом гигантской важности: собственным зрением является его метафоричность. Наряду с признанием зрения самым мыслящим чувством у Платона встречается и другой «оправдательный» мотив, эксплицированный затем Аристотелем: само зрение безошибочно; источник ошибки – «общее чувство», «*koinê aisthêsis*», которое координирует, сравнивает, выносит суждение по поводу данных разных органов чувств. При этом безошибочность зрения ограничена, разумеется, тем, что оно верно передает кажимость, ложную реальность, тень с подлинной. Амбивалентность платоновской скопии задала тот факт, что впредь и крайний рационализм, и разнообразные ему альтернативы оформляли себя через фигуры зрения: с одной стороны, визионерство в различных типах мистики, с другой – эйдетико-эвидентная парадигма картезианства и феноменологии.

Критика метафизики приняла характер опсодицей в определенный исторический момент, который можно довольно точно датиро-

вать серединой 20-х гг. XX в., хотя определенные его предпосылки можно проследить у Шопенгауэра, Ницше, неокантианцев. Ключевыми фигурами были здесь независимо друг от друга (и расходясь по существу дела) Дж. Дьюи и М. Хайдеггер, оба (при-)страстные читатели Платона. С нарастающей эксплицитностью в «Reconstruction in Philosophy» (1920), «Experience and Nature» (1925) и затем в «The Quest of Certainty. A Study of the Relation of Knowledge and Action» (1929) Дьюи подвергает решительной критике то, что он называет «созерцательной концепцией знания» («the spectator conception of knowledge»). Хайдеггеровская же критика диктата зрения вырастает на почве феноменологии и как ее де(кон)струкция. В «Sein und Zeit» (1927) он восходит к значению зрения в его не- и предразделенности на зрение эмпирическое и духовное, выявляет его характер как способ доступа к сущему и бытию. В более поздних работах, «Platons Lehre von der Wahrheit», «Zeitalter des Weltbildes» и др., в курсах лекций он показывает метафизические последствия перевода-интерпретации *aletheia*-несокрытости как истины-*veritas* в смысле «соответствия», исторический и историальный характер субъектно-объектного разделения и «репрезентации».

Упреки в интуитивизме формулировались и в русле «ортодоксальной» феноменологии (F. Kreis, 1930, и R. Zocher, 1932; см. отповедь в статье Э. Финка «Die phänomenologische Philosophie Edmund Husserls in der gegenwärtigen Kritik» (1933), в которой он истолковывает феноменологическую эйдетику как аналогию зрению, чего-де не поняли критики). Однако большинство феноменологов не ставили под вопрос ни эйдетику, ни столь же свойственные феноменологии массивные терминологические заимствования из визуальной лексики греческой классики и схоластики. Особняком стоит «Die Einheit der Sinne. Grundlinien einer Ästhesiologie des Gestes» (1923) Х. Плеснера, масштабное предприятие по установлению как исторического характера, так и антропологического смысла чувств.

В это же время кристаллизуется внимание к визуальности в трудах историков философии и особенно платонизма. Работы Б. Снелля «Die Ausdrücke für den Begriff des Wissens in der vorplatonischen Philosophie» (1924), Й. Штенцеля «Der Begriff der Erleuchtung bei Platon» (1926), П. Фридлендера «Platon» (в 2 т. 1928, 1930), а также труды других историков, появившиеся (уже начиная с 10-х гг.) в лоне

или под влиянием круга Стефана Георге, подчеркивают эйдетическую составляющую философии Платона (в этом участники кружка были солидарны с Наторпом, одной из своих излюбленных мишеней). Ср. также с несколько курьезной работой В. Эрна «Верховное постижение Платона» (1917). Начиная с этого же времени в культурологических (преимущественно немецких) трудах по античности (Reinhardt, затем Pohlenz, Rudberg) формулируется понимание классического грека как «глазного человека» (Augenmensch). История этого внутрифилософского «визуального» поворота еще не написана, хотя его общекультурный фон хорошо изучен (рефлексия над зрением в практике и теории фотографии, кино, архитектуре, пластических искусствах). Несмотря на хронологическую плотность периода, необходимо и возможно различить и разделить в нем констатацию или признание преобладания визуальности в истории метафизики и, с другой стороны, более или менее алармистскую или даже опсокластическую проблематизацию последствий этого преобладания. Именно второй аспект стал разрабатываться в боевые 60–70-е гг., подарившие миру столько «-измов»: опсодицея приняла отчетливые формы обвинения, суда над «окул(ар)оцентризмом», «опсоцентризмом», «фито-гелио-лого-(...)-центризмом», а также над «скопическим режимом», «картезианским перспективизмом», «гегемонией визуального» и т. д. Тематизировались политические (включая пенитенциарные), гендерные, религиозные, эстетические, литературные, психологические и психоаналитические, научные, педагогические и прочие импликации «опсоцентризма». Для самой философии важным было резюме критики репрезентативизма у Р. Рорти «Philosophy in the Mirror of Nature» (1979) и, разумеется, целый ряд работ Ж. Деррида (особенно «La mythologie blanche», 1972). Как и во всякой юрисдикции, не обошлось без перекосов. Попытки представить всю (точнее, почему-то, французскую) интеллектуальную историю XX в. как «уни(что)жение» или «очернение» зрения (M. Jay, Downcast Eyes. The denigration of vision in twentieth-century French thought, 1993) представляются неоправданным объединением разных очень богатых и индивидуальных мыслителей под эгидой некоего воображаемого «общего дела» и фантазматического общего врага. В последние годы судебный баланс выравнивается, отчасти за счет академизации и банализации. «Глазной

человек» понял и признал, что дар зрения чреват, двусмыслен, опасен – и неизбежен.

-
1. *Konersmann R. Kritik des Sehens. Leipzig, 1997.*
 2. *Modernity and the Hegemony of Vision / Ed. by D. Michael. Berkeley, 1993.*
 3. *Sites of Vision. The Discursive Construction of Sight in the History of Philosophy / Ed. by D. Michael. Cambridge (Mass.); L., 1997.*
 4. *The Opening of Vision: Nihilism and the Postmodern Situation / Ed. by D. Michael. N. Y.; L., 1988.*
 5. *Michael D. The Philosopher's Gaze. Berkeley, 1999.*

С. С. Кралин

АРТИКУЛЯЦИЯ БЫТИЯ В ЯЗЫКЕ

Под «языком» в данной статье мы будем понимать «язык программирования». Попытаемся ассоциировать с концептом «бытие» – в качестве если не примера, то функционального коррелята¹ – некоторую вполне эмпирическую реальность.

Назовем бытием объекта область памяти, используемую для его хранения. Тогда результаты выполнения некоторого кода могут быть сопоставлены с известными из истории философии высказываниями о бытии. При этом окажется отраженным многообразие этих последних – с учетом принятия или непринятия в том или ином языке требований *а)* явной инициализации и *б)* строгой типизации.

Рассмотрим возможные реакции транслятора или среды исполнения на следующий фрагмент псевдокода.

Листинг 1

```
10 new Integer num; // «создание» целого числа num
11 new Boolean val; // «создание» булевой величины val
12 print(num==val); // сообщение о равенстве num и val
```

¹ Поскольку наши рассуждения имеют предметом некоторый *дискурс*, постольку – хотя бы из соображений этического толка – мы и говорим о них как о находящихся с ним в отношении «функциональной корреляции», а не в отношении «концепт – пример». Удачным словосочетанием «функциональный коррелят» мы обязаны Н. В. Бряник.